Конан
КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО
Северо-Запад

Annotation

В книгу вошли романы Д.Мак Грегора «Конан и призраки прошлого», Т.С.Стюарта «Дары зингарийцев», А.Олдмена из цикла «Шадизарские ночи», «Роковое ухо» и «Змеиный камень».

- Андрэ Олдмен
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Андрэ Олдмен
Роковое ухо

1

Звук, родившийся в темных недрах развалин, был ужасен: словно простонали разом, томясь неизбывной тоской, десятки потерянных душ на Серых Равнинах, и вопль их вырвался из недр земли сквозь множество жестяных труб.

Человек на дорожке запущенного сада застыл, положив ладонь на рукоять кинжала и напряженно вглядываясь во полумрак ночи. Черные стены кустов тянулись с двух сторон, а впереди, в неясном свете молодой луны, зловеще темнел фасад давно покинутого людьми дома. Небо затянули облака, оставив лишь небольшое черное озерцо, посреди которого плавал серебряный серп ночного светила; в саду было сыро, и пару раз незваный гость чуть было не наступил на змей, чувствовавших себя хозяевами посреди разора и запустения усадьбы, принадлежавшей некогда звездочету и чернокнижнику Фларенгасту.

Чародей сей, как болтали в духанах, стяжал богатства великие, занимаясь предсказаниями, бывшими часто столь туманными и расплывчатыми, что каждый мог толковать их к своему удовольствию. Многочисленным желающим узнать судьбу свою, он говаривал обычно так:

– Моя наука помогает прочитать то, что предначертано богами. Вы не должны слишком радоваться, если мое предсказание благоприятно, как и не должны расстраиваться, если оно неблагоприятно. Нужно всегда помнить, что помимо звезд постоянных, слагающих на небесах астрологические фигуры, есть множество светил бродячих, кои также влияют на ход событий. И если радость ваша будет омрачена печалью, а печаль сменится радостью, знайте, что причиной тому – гуляющая по небесам звезда…

Впрочем, он действительно кое-что понимал в астрологии, и, бывало, звезды более ясно открывали Фларенгасту будущее. Один подобный случай и позволил звездочету переселиться из предместий в шикарный особняк возле Восточных Врат.

В те давние времена наместником Шадизара был некий Субаши-Хаш, человек вспыльчивый, но справедливый. Весною, когда деревья были в цвету, родился у него сын. Субаши-Хаш тут же послал за астрологом, чтобы тот предсказал наследнику будущее, надеясь, что будущее окажется блестящим.

Случилось так, что в то же время у некоего водоноса тоже родился сын. Когда слуги наместника вели чародея через предместье, сей бедняк ухватил его за полу халата и взмолился погадать своему отпрыску.

– Не видишь, спешу, – отмахнулся Фларенгаст, но водонос вцепился в халат, словно клещ, плакал, размазывая по лицу грязь и сопли, и обещал отдать звездочету накопленные за долгие годы восемь золотых и еще шесть медных монет.

Дело было вечером, звезды уже светили над Шадизаром. Чтобы отвязаться от бедняка, у которого явно не все были дома, Фларенгаст взглянул на небо, что-то пошептал и буркнул:

– Звезды открыли мне, что твой сын станет королем…

Тут он понял, что переборщил, и поспешно добавил:

– Правда, ненадолго. Деньги оставь себе, да купи губку, чтобы помыться.

Когда Фларенгаст явился во дворец, он без лишних разговоров расстелил на полу квадратный кусок материи, испещренный изображением звезд и магических знаков, уселся подле и принялся бросать на ткань пригоршни пустых ракушек, важно надувая при этом щеки. Потом он долго вычислял что-то на вощеной дощечки, чесал бороду, снова бросал

ракушки и снова вычислял.

– Да, все правильно, – сказал он наконец в некоторой растерянности. – У твоего сына благоприятные знаки, его ожидает большое будущее. Только… – тут он запнулся. – Только ему суждено стать нищим – на недолгое время.

– Что за глупости! – вскричала мать наследника. – Считай снова, старик, да получше!

Больше всего Фларенгаст не любил, когда его называют стариком. Тем более женщины. Поэтому он упрямо пожевал губами и объявил:

– Ничего не поделаешь, ханума! Жизнь – это вращающееся колесо, никто не может избежать предначертаний судьбы. Твоему сыну суждено стать нищим, и будет он просить милостыню, пока не сгорит вот такая свеча.

С этими словами звездочет не без тайного злорадства указал на довольно толстую свечу в серебряном подсвечнике.

Вспыльчивый Субаши-Хаш тут же велел бросить астролога на съедение голодным львам, содержавшимся специально для подобных случаев в дворцовом вольере, но справедливость взяла верх в душе его, и мучительная смерть была заменена чародею длительным заточением.

Милостью наместника его не бросили в темницу, а заперли в дворцовой башне и позволили даже принести из дома свитки и инструменты, так что Фларенгаст мог продолжать свои ученые изыскания. Каждый год, в день рождения сына в башню поднималась жена наместника и, уперев в полные бока не менее полные руки, грозно вопрошала, не изменилось ли что в небесах. Старого звездочета так и подмывало сослаться на какую-нибудь блуждающую звезду и отменить роковое пророчество, но всякий раз при виде сварливой женщины, не питавшей никакого уважения к его науке, упрямство его брало верх, и он подтверждал свое прежнее предсказание.

Прошло пятнадцать лет. Сын наместника вырос и превратился в умного пригожего юношу. Отпрыск же водоноса выбился в люди и даже попал ко двору наместника и стал другом молодого его наследника, ибо Субаши-Хаш придерживался того мнения, что будущему вельможе следует подбирать себе соратников с младых ногтей, дабы узнать их истинное лицо и помыслы. Сына своего он ни на шаг не отпускал из дворца, опасаясь предсказания звездочета и того позора, который мог пасть на всю семью, если таковое, не дай бог, сбудется. Впрочем, в своих покоях и огромном саду, окружавшем дворец наместника, его наследник пользовался полной свободой и не раз тайком от папаши отлучался в город.

Однажды городской глашатай объявил под барабанный бой: там-то и там-то будет разыграно представление, на которое приглашаются все желающие.

В назначенный час простолюдины и знать валом повалили на рыночную площадь. Наместник тоже отправился туда и воссел на возвышении, окруженный своими женами, слугами и телохранителями. Он считал себя человеком просвещенным и был охоч до разных забавных зрелищ.

Стемнело; вдоль крытого навесом помоста, на котором актерам предстояло разыграть представление, зажгли толстые витые свечи. Появился фигляр, поприветствовал публику и прокричал:

Представлена для вас, честной народ,
История про пламень и про лед,
О короле из западной страны
Сейчас для вас игру затеем мы!

Потом он попросил присутствующих узнавать актеров по ходу действия, ибо все они были, как оказалось, из местных.

Взвился полог, и все увидели короля в горностаевой мантии, который держал совет со своими приближенными. На его юном лице сажей были нарисованы усы и бородка.

– Да это же мой сын! – раздался вдруг среди простолюдинов дребезжащий голос.

– Верно, – подхватили другие, – короля-то играет сын водоноса!

Представление длилось долго. Актеры разыграли историю тирана, который получил урок мудрости от простого нищего и стал отшельником. Публика узнала всех исполнителей, кроме одного: нищий был загримирован очень искусно, а игра его была выше всяких похвал.

Только к концу действа, когда почти догорели толстые свечи на краю помоста, наместник узнал в «нищем» своего сына.

Он хотел было немедленно и публично проклясть отпрыска и лишить его наследства за то, что юноша унизился до постыдного актерского ремесла. Но справедливость и на этот раз взяла верх, и Субаши-Хаш вместе со всеми поаплодировал, выразил свое удовольствие и даже наградил игравших, выдав каждому по золотому. Он надеялся, что никто не узнал в «нищем» его сына, а если и узнал, у наместника были свои способы укоротить излишне длинные языки.

Субаши-Хаш испытывал огромное облегчение: пророчество Фларенгаста наконец сбылось, и сбылось самым невинным образом. Звездочет немедленно получил свободу и был пожалован богатым особняком и крупной денежной суммой.

Злые языки утверждают, что Фларенгаст больше всех изумился точности своего предсказания – настолько, что никогда больше не гадал по звездам. Он уединился в своем большом мрачном доме возле восточной стены и предался неким тайным занятиям, суть коих тщательно скрывал. По ночам над двумя огромными трубами, торчавшими по бокам фасада, валил желтый дым, взметались зеленоватые искры, а из глубин дома доносился какой-то скрежет, уханье и подозрительные стоны, смущавшие покой почтенных шадизарцев. Поговаривали, что чернокнижник наладился вызывать духов Нижнего Мира, таскавших ему из преисподней золото. Впрочем, до поры до времени его не трогали, ибо чародей пользовался покровительством наместника.

Вспомнив все эти россказни, человек на дорожке сада поправил притороченный за спиной прямой аквилонский меч и ухмыльнулся. Духов ли вызывал Фларенгаст или нет, но старикашка был баснословно богат, а покинул Шадизар гол и бос, в одной набедренной повязке. Это случилось после того, как сын наместника в сопровождении нескольких товарищей тайно бежал из дома и отправился в неведомые края на поиски приключений. Через год дошли слухи, что юноша сей сложил голову, сражаясь на стороне одного из вендийский князей – кажется, его затоптал слон…

Это известие уложило Субаши-Хаша в постель. Он призвал к себе звездочета и слабеющим голосом осведомился насчет блестящего будущего, предсказанного некогда его сыну.

– Величие жизни человеческой не всегда предполагает ее продолжительность, – промямлил Фларенгаст, – кроме того, блуждающие звезды…

Тогда Субаши-Хаш вспылил в последний раз в своей жизни. Он приказал в три дня изгнать чародея из города, дом его разрушить, а имя придать забвению. Справедливость на

сей раз не успела взять верх: душа наместника отлетела к Митре.

Три ночи кряду стены особняка сотрясали неведомые силы, а на третье утро Фларенгаст явил народу свои старческие мослы, едва прикрытые повязкой из верблюжье шерсти, вышел через Восточные Врата и гордо удалился в пустыню. Его дальнейшая судьба неведома.

Что же касаемо повеления наместника относительно дома, то оно было исполнено лишь частично. После исхода чародея в особняк устремились городские стражники во главе с ретивыми сотниками, кои лелеяли надежду набить под шумок карманы из сокровищниц звездочета. Они принялись ломать мебель и крушить стены, но ничего интересного, кроме двух невесть чьих полуистлевших скелетов, замурованных в глубоких нишах, так и не обнаружили. Пусто было и в обширных подвалах, где во множестве гнездились летучие мыши и стояли какие-то чаны, доверху наполненные бурой вонючей массой.

Сколько ни простукивали кладку, так ничего и не обнаружили: богатства чернокнижника словно сквозь землю провалились, да может, так оно и было. Когда же рухнувшая неожиданно стена погребла под собой десятерых стражников и одного вельможу, а обвалившийся балкон чуть было не раздавил прибывшего на место действия нового шадизарского наместника, особняк был объявлен проклятым местом, обнесен глухой оградой, а подвалы его на всякий случай залиты водой.

Относительно забвения чародейского имени и вовсе вышла промашка. История Фларенгаста стала притчей во языцех, и каждый вновь прибывший в Шадизар непременно выслушивал ее в духанах, причем каждый раз с новыми подробностями. Находились отчаянные головы, которые, несмотря на зловещие слухи и строжайший запрет властей, проникали за ограду, пытаясь разыскать сокровища. Но ничего ценного в излаженном вдоль и поперек многочисленными ворами доме не сыскивалось, если, конечно, не считать обломков мебели, клочков занавесей и огромных клубков паутины, в изобилии висевших по всем углам. Правда, некоторые божились, что видели зеленоватую фигуру голого старика, бродившего с ворчанием среди запустения и грозившего длинным полупрозрачным пальцем, но мало ли что можно болтать за чаркой вина и бараньей ножкой…

Так и стояли развалины, обнесенные высокой оградой, немые и зловещие. Немые до самого последнего времени. Недавно дом ожил.

Узнали о том соседи, не преминувшие тут же подать жалобу начальнику городской стражи, светлейшему Эдарту. В петиции утверждалось, что среди развалин замечен был зеленоватый свет, слышались какие-то удары, словно колотили по медному тазу, и некие тени возникали возле единственной уцелевшей трубы на фоне звезд.

Светлейший тут же отрядил проверяющих во главе с десятником Урубом, прославленным по всему Шадизару длинной своего острого носа, но сколько ни совал его десятник во все щели, так ничего и не обнаружил. Только в комнате с большим очагом посредине замечен был хорошо сохранившийся оловянный чан, доверху наполненный пылью, но стоял ли он там раньше или принес кто, сказать было трудно.

Обо всем этом ночной гость, пробиравшийся сейчас к дому Фларенгаста, узнал давеча от духанщика Абулетеса, который повсюду имел свои глаза и уши и был осведомлен о всех городских новостях. Человеку с аквилонским мечом за спиной не свойственны были колебания: как только взошла луна, он с помощью веревки с железным крюком на конце легко преодолел ограду, и крадучись двинулся по дорожкам сада к полуразрушенному строению. Духи ли шалили за его стенами или кто-то прознал наконец тайну сокровищ и пришел, чтобы завладеть золотом, ему, в общем-то, было все равно, хотя он и склонялся к

последнему варианту. Против духов хорош кинжал с серебряным лезвием и выдолбленная тыква с камфарным маслом, прилаженная у пояса, а против людей сгодятся его кулаки и меч.

Человек был молод и отважен. Обликом он никак не походил на низкорослых заморцев: лунный свет играл на буграх его могучих мускулов, искрился в гриве черных волос, а синие глаза, видевшие в полумраке, легко отыскивали дорогу. Он был подобен зверю в лесной чаще, чуткому сильному зверю, явившемуся из-за северных гор поискать добычи среди богатства и нищеты славного Шадизара.

Таясь в тени кустов, человек достиг заваленной обломками рухнувшего балкона площадки, отделявшей сад от парадного входа особняка, и застыл, удивленно прислушиваясь.

Возле дверей разговаривали.

– Не надо, почтенный, – долетал из-за груды камней гнусавый старческий голос, – мне уже расхотелось туда идти… Звуки были столь ужасны, что в желудке моем произошло коловращение, чреватое постыдной неприятностью. Я весь дрожу, и глаза мой застилает туман…

– Не стоит тебе бояться, уважаемый Агизар, – отвечал кто-то помоложе, – вспомни, что предсказал магический плат… Ты можешь упустить единственную возможность обрести истинное богатство! Ну же, входи без трепета и помни – я с тобой.

Из-за обломков выступила под лунный свет согбенная старческая фигура, заблестел мясистый нос, и притаившийся в кустах человек узнал ювелира с Алмазной улицы, дававшего также деньги в рост. Агизар прошаркал к дверям и неуверенно взялся за медную ручку.

Вслед за ним взошел на крыльцо плотный голоногий мужчина в добротной коричневой тунике и сандалиях, ремешки которых охватывали его голени аж до колена. Он огляделся по сторонам, положил руку на плечо своего спутника и уверенно молвил:

– Подумай о выгодах сего предприятия, уважаемый, и забудь свой страх.

Ювелир надавил на ручку двери, и створка со скрипом подалась внутрь. Двое исчезли в мрачных глубинах дома.

Выждав некоторое время, человек с мечом за спиной мягко перебежал открытое место и бесшумно последовал за ними.

Он оказался в обширном вестибюле, некогда пышном и великолепном. На мраморных плитах валялись осколки каменных ваз, в нишах вдоль стен темнели статуи с отбитыми руками и головами. На всем лежал толстый слой пыли, испещренный на полу следами приходивших недавно стражников. Человек с мечом присел на корточки и легко высмотрел среди отпечатков сапог узкие следы мягких туфель и другие, оставленные сандалиями с веревочной подошвой. Он двинулся по этим следам, миновал большой зал с рухнувшей правой стеной, свернул налево, прошел через темный коридор и вскоре достиг сводчатой комнаты, посреди которой темнел огромный очаг.

Очаг имел круглое, шагов в пять основание и представлял собой каменный купол не менее десяти локтей в высоту. От него к потолку тянулась сложенная из больших валунов труба, очевидно, та самая, из которой Фларенгаст некогда пускал свой желтый дым.

Комната, озаренная неярким светом, льющимся сквозь узкие окна под потолком, была пуста.

Черноволосый бесшумно двинулся было вдоль закруглявшейся стены помещения, но тут же застыл, услышав доносившиеся из коридора звуки шагов. Проклиная себя за то, что не углядел в темном проходе дверь, за которой, как видно, ненадолго скрылись Агизар и его

спутник, человек с мечом метнулся к очагу и укрылся в его темном чреве.

Под каменным куполом воняло застарелой сажей и еще чем-то непонятным. Искатель сокровищ провел ладонью по внутренней стене очага, вымазал себе лицо, после чего осторожно выглянул из-за края проема, через который некогда подкладывали дрова. Дрова, видимо, были огромны: в арку печи легко мог бы въехать всадник.

Агизар и голоногий мужчина стояли шагах в десяти; ювелир судорожно цеплялся за плащ своего проводника.

Да, на нем теперь был плащ, черный, с огненным подбоем и дыбом стоявшим воротником, а голову украшала черная же корона, блестевшая зелеными камешками. Изменился и наряд ювелира: плечи его прикрывала темно-красная накидка с капюшоном, из-под которого торчал толстый лоснящийся нос.

Голоногий толкнул старика вперед и властно приказал ему опуститься на колени. Икая от страха, Агизар повиновался – слышно было, как трещат его старческие суставы.

Человек в черном плаще очертил мелом круг, присовокупив с его внешней стороны какие-то непонятные фигуры, потом распрямился и возгласил:

– Именем Змееголового! Треглавый Пес, стерегущий вход, отринь огненный камень! Верх стань низом, а низ верхом! Дамбаллах!

Ювелир громко икал, дрожа всем телом.

И вдруг откуда-то из трубы, прямо над головой спрятавшегося в очаге, раздался ужасный рев, словно сотни трубачей разом возвестили наступление неведомого войска. Искатель сокровищ зажал уши и замотал головой, готовой расколоться от этого звука.

Агизар повалился ниц, но его провожатый резво ухватил старика за шиворот и вернул в исходное положение. Он что-то кричал, широко открывая рот, и, когда рев внезапно оборвался, стали слышны его слова:

– …и все темные силы, мне подвластные! Вы, мои азы и чектеры мои, приблизьтесь, отворите врата! Явись нам, дух Фларенгаста! Дамбаллах! Тьма! Тьма!

Что-то посыпалось из отверстия печной трубы, и, глянув вверх, таившийся под каменным куполом очага увидел стремительно приближающийся зеленый свет. Человек не стал медлить: он выхватил кинжал с серебряным лезвием и поспешно отцепил с пояса тыкву, приготовившись встретить нежить как следует.

И нежить явилась: зеленый клубок, скатившись вниз по трубе, развернулся, приобретая очертания полупрозрачной фигуры с длинной седой бородой и горящими красными глазами. Видение заплясало под каменным куполом, опускаясь, а из отверстия вновь долетел заунывный рев, на этот раз тоскливый и жалобный.

Черноволосый искатель сокровищ швырнул себе под ноги тыкву. Та лопнула, брызнув камфарным маслом, запах которого, как утверждают сведующие люди, более всего ненавистен для призраков. Оскальзываясь сапогами, ночной гость кинулся вперед и принялся разить колеблющуюся фигуру серебряным лезвием. Клинок не встретил сопротивления, и его обладатель нанес еще удар и еще… Он почувствовал, что рука его запуталась в чем-то, подобном крепкой сети, в тот же миг призрак задергался и опал, накрыв человека с головой холодным зеленым сиянием. Тот отпрянул, запутался в светящихся нитях и вывалился из отверстия очага, не переставая орудовать кинжалом, изрыгая при этом страшные проклятия и разрывая явившегося из преисподней на куски, словно гигантская акула рыбачий невод.

Два вопля заставили его опомниться: басовитый, изданный исчезающим в дверях

коридора Агизаром (ювелир улепетывал с резвостью юноши, забыв о больных суставах) и тоненький, донесшийся из очага. Поняв, что призрак больше не думает его душить, черноволосый отбросил в сторону тлеющие зеленым клочья, сел и глянул в проем печи.

Там, раскачиваясь и жалобно скуля, вниз головой висел щуплый человечек в рваных штанах, с ног до головы перемазанный сажей.

– Все пропало, – скулил он, – о Бел, все пропало! Да снимите же меня отсюда кто-нибудь!

– Кром, – взревел искатель сокровищ, вскакивая, – да это же Ловкач Ши! Что ты делал в трубе, крыса?!

– Он выполнял мое поручение, – раздался у него за спиной спокойный голос и, обернувшись, поминавший Крома увидел, как проводник Агизара снимает свой плащ и корону.

– Кто ты? – растерянно спросил человек с мечом.

– Меня зовут Шейх Чилли, – вежливо отвечал голоногий, – давно хотел познакомиться с тобой, Конан-варвар!

2

– Одного я не пойму, – сказал Конан, развалясь на шелковых подушках и прихлебывая из серебряной чарки легкое вино, – с чего этот Агизар взял, что призрак Фларенгаста поделится с ним своими сокровищами?

Они расположились на мягких кушетках вокруг круглого стола, уставленного вазами с фруктами, сосудами с щербетом и более крепкими напитками. Две служанки, весьма миловидных, прислуживали им в главной комнате дома, расположенного неподалеку от Большого Канала и принадлежавшего новому знакомцу киммерийца. Дом был не так чтобы очень богат, но в нем было все необходимое для безбедной и приятной во всех отношениях жизни.

– Видишь ли, – отвечал Шейх Чилли, обкусывая виноградную гроздь, – прежде чем отправиться в развалины, я погадал ювелиру на своем магическом плате, и убедил, что он единственный в Шадизаре достоин попытать счастья в этом деле, ибо нет человека более праведного и честного. На самом деле, ростовщик – продувная бестия, и об этом всем ведомо, даже ему самому, но страсть к золоту лишает его последних остатков разума, и без того весьма скупо отпущенных ему богами. На самом деле, любого не сложно убедить в чем угодно, надо лишь уметь следовать откровенной корысти и скрытым побуждениям клиента. Открою тебе тайну: Агизар рассчитывал не только получить мешок монет за свое мнимое благочестие, но и собирался выпросить у покойного колдуна вторую молодость. Более всего этот несчастный мечтает вернуть себе утраченные годы и стать юным силачом, любимцем женщин. Ну, если не таким, как ты, Конан, то хотя бы таким, как я.

Непонятно было, говорит он серьезно или шутит. Впоследствии киммериец убедился, что это обычная манера Чилли. Что ж, Агизар вполне мог завидовать человеку, заманившему его в покинутый особняк: был тот весьма крепким, хорошо сложенным мужчиной среднего роста, с приятным округлым лицом и мягкими вкрадчивыми движениями. Правда, возраст его определить было весьма трудно: могло ему быть и двадцать лет, и все тридцать. То же касалось и происхождения Чилли: волосы его вились, как у шемита, но были гораздо более светлыми, чем у жителей этой страны, кожа не слишком смуглая, но и не белая, как у северян, нос прямой, а губы – мягкие и слегка припухшие. Одевался он не совсем по заморской моде, предпочитая простую тунику, набедренную шелковую повязку и сандалии с длинными, до колен ремнями.

Пожалуй, он нравился женщинам. Однако в чертах его чудилось киммерийцу нечто неприятное, некоторый недостаток мужественности и излишняя округлость тела, несомненно сильного, но как бы омытого водами потока, в которых излишне долго омывалось – и лицо, и фигура этого человека несколько напоминали речной окатыш, приятный с виду, но скользкий на ощупь.

Если бы судьба не свела их нынешней ночью, варвар никогда не стал бы искать близости с Шейхом Чилли. Хотя, несмотря на свою молодость, он уже знал, коль часто бывает обманчивой внешность: повидал Конан и свирепых наружностью воинов, гадивших в штаны на поле битвы, и надутых мудрецов, ведавших лишь одну тайну – как выманивать подарки у простаков своим словоблудием, и валявших дурочку хитрющих оборванцев, скопивших немалые состояния… Кем был на самом деле хозяин дома возле Большого Канала, Конан для себя еще не решил, а посему рассудил, что стоит присмотреться к Шейху поближе. Во всяком

случае, тот был далеко не глуп, и у него можно было кое-чему поучиться.

– Тогда скажи мне, – сказал варвар, пододвигая к себе кувшин розового аренджунского, – зачем понадобилось устраивать столь замысловатое представление в доме Фларенгаста? Ты-то, сдается мне, вовсе не собирался награждать старикашку ни молодостью, ни золотом, а как раз наоборот, рассчитывал выманить кое-что у него.

Конан и вправду никак не мог взять в толк, за какой такой надобностью дудел в жестяные трубы, спрятанные в дымоходе, его давний приятель Ши Шелам по прозвищу Ловкач, для чего спускал он на веревках в очаг «призрака», оказавшегося хитро сплетенной, вымазанной светящейся краской сетью, укрепленной на проволочном каркасе в форме гигантской человеческой фигуры с горящими углями вместо глаз и хвостом пегой лошади, изображавшей бороду Фларенгаста. Сие искусное сооружение варвар растерзал в клочья своим кинжалом, да еще и сдернул в печную трубу замухрышку Ши, который должен был изображать жуткие телодвижения призрака, дергая за многочисленные веревки. В одной из них и запутался Ловкач, проделав перед тем головокружительный спуск по дымоходу, от которого не очухался до сих пор. Если бы не веревка, лежать бы ему на полу очага с разбитой головой!

Вместо того, чтобы возблагодарить судьбу за чудесное спасение, Ши принялся ныть и приставать к Конану с упреками за то, что тот сорвал столь тонко задуманное дело. Заткнулся он только после хорошей затрещины.

Голоногий же, казалось, вовсе не был расстроен негаданным появлением варвара и не собирался отказываться от задуманного: он приказал Шеламу тщательно собрать обрывки сети, спрятать веревки, а когда они уходили, явно собираясь вернуться в развалины, присыпал их следы пылью, специально припасенной для этой цели в оловянном чане при входе в комнату с очагом.

Сейчас киммерийцу жгуче хотелось выведать, в чем же, собственно, состояло дело, да еще «тонко задуманное», и не скрывалось ли за сим обычное недомыслие. С точки зрения варвара было бы гораздо легче просто забраться в дом ювелира, взломать замки на сундуках и унести столько золота и драгоценностей, сколько на плечах уместится. Свое мнение он незамедлил изложить Шейху Чилли.

– Ты, несомненно, прав, – охотно согласился тот, запивая щербетом сочный персик, – но то, что проще, не всегда лучше. Если попытаться отнять у кобеля кость, он может укусить, но покажи ему нечто привлекательно, скажем, текущую суку, глупый зверь оставит лакомство и пустится за ней в погоню, даже если уже ни на что, кроме ловли блох, не годен. Кроме того, некоторые старые собаки имеют покровителями своими весьма нестарых львов, а от сих зверей я предпочитаю держаться подальше. Поверь, не страх движет мною, а лишь отвращение к насилию. Ты мог заметить, что я не ношу оружия. Предпочитаю пользоваться для своих целей столь невинными вещами, как кусок обычной материи, именуемый магическим платом, или черный плащ и жестяная корона с бутылочными стекляшками, купленные мною по сходной цене у бродячих актеров. Ну и, конечно, человеческой глупостью и алчностью.

Киммериец только хмыкнул и отхлебнул вина.

– Быть может, – продолжал хозяин дома, – как человек, рожденный в суровых северных землях, где превыше всего ценят мужество и прямоту, ты станешь презирать меня и сочтешь образ моих действий недостойным. Увы! Ничего не могу тут поделать, ибо таковой удел предначертали мне звезды… Если хочешь, я расскажу тебе свою историю.

Конан ничего не имел против, тем более, что до утра было еще далеко, а на столе оставалось достаточно закуски и выпивки.

И Чилли поведал о своей жизни.

Родился он в некой небольшой державе, лежащей к востоку от моря Вилайет, в семье тамошнего властителя. Ни название страны, ни имени государя Шейх Чилли называть не стал, сославшись на собственную скромность. В день его рождения придворные звездочеты, как водится, произвели необходимые вычисления, чтобы предсказать судьбу наследника престола. В отличие от Фларенгаста, они были истинными знатоками своей науки, людьми суровыми и весьма почитаемыми. Поэтому их заключение воспринял государь как тяжкий приговор: звездочеты объявили, что сыну его на роду написано быть вором.

Вскоре предсказание начало сбываться: едва встав на ноги, наследник принялся тащить все, что плохо лежало. Он воровал серебряные тарелки, соусницы, сухарницы, супницы, флаконы с благовониями, заколки для волос, броши, черепаховые гребни, утиральники для носа и палочки для почесывания спины, а раз умудрился извлечь из царской короны самый крупный бриллиант, именуемый Глаз Индры. И крал он все это не по нужде и не из корысти, ибо ни в чем не нуждался, а исключительно ввиду расположения созвездий небесных.

Видя такое дело, государь предался унынию и приставил к наследнику лучших воспитателей, надеясь с их помощью перебороть судьбу. Но, когда отпрыск слямзил на официальном приеме агатовую заколку с тюрбана туранского посла, терпение отца лопнуло, и он решил избавиться от недостойного плода чресл своих.

Будучи человеком гуманным, властитель не стал душить сына подушкой или подстраивать несчастный случай на охоте. Мальчика тайно отдали в ашрам, передав настоятелю все, как есть, и пожелав мудрому старцу наставить наследника престола на путь истинный.

– Отец мой лелеял надежду увидеть меня вновь, – рассказывал Шейх Чилли, прихлебывая щербет, – но что можно поделать против предначертанной свыше судьбы! Обитатели ашрама были терпеливы: стащу я что-нибудь у прихожанина, они и слова не скажут. Только придут ночью, заберут тайком украденное и вернут владельцу. Божьи люди, одним словом. Мне же, по малолетству и глупости, подобное казалось верхом коварства. Вот воры так воры, еще почище меня будут! – так гневил я свое маленькое сердце.

Гневил-гневил, да не выдержал. Припас крепкую дубинку, спрятал под тюфяком и прикинулся спящим. Ночью пришел сам настоятель, забирать украденный у какого-то пасечника горшок с медом. Только он за ним наклонился, я возьми да огрей его по голове…

– Убил? – деловито осведомился Конан с набитым ртом.

– Убить не убил, но благостность из его седой головы вышиб: изгнали меня из ашрама. Пошел я гол и бос куда глаза глядят…

– Ай, ай, ай, – пропищал Ши Шелам и выплюнул сливовую косточку, которой чуть было не поперхнулся от возмущения, – всегда подозревал, что эти отшельники только прикидываются добряками!

– То же сказал мне и странствующий пандид, который меня подобрал, – продолжил Чилли, – ?Нет истины за стенами ашрамов, сказал он мне, – хотя иные и думают, что сидят на ней своими тощими задами, как на сундуке с изумрудами. Глупцы! Забыли они, что Митра велел делиться…? Однако, как я скоро убедился, заботила его вовсе не истина, а содержание мешка, который мудрец сей таскал повсюду, ни на миг с ним не расставаясь.

Стоит ли говорить, сколь заинтересованно отнесся я к ученичеству у пандида? Мне

казалось весьма привлекательным, почитав мантры на свадьбах и похоронах, получать за это щедрые подарки и обильную пищу. Душа моя устремилась навстречу богам, алкая их благословения. Клянусь хвостом обезьяны, я готов уже был обратиться на путь истинный и сделал бы это, если бы не проклятые звезды! Именно они отвратили меня от изучения необходимых в пандидском деле молитв и притянули взор мой к мешку учителя.

– Подозреваю, он таскал там не свитки, – ухмыльнулся Конан. Повесть Чилли все более занимала молодого варвара.

– Именно! – воскликнул рассказчик. – Не свитки, не четки и благовония, а золото таскал старец в мешке своем. За свои услуги брал он только золотыми монетами, даже у бедняков, которые зачастую отдавали последнее: как известно, на свадьбу да на похороны не скупятся. Мешок был толстый, как подушка, да и использовался сходно на ночь пандид клал его под голову, а спал столь чутко, что открывал глаза, как только на лоб ему садился комар. Днем же ему почти нечего было опасаться: как известно, даже самые отпетые негодяи избегают открыто грабить бродячих слуг Митры, страшась гнева Всевидящего.

– Клянусь шкурой волка, – заметил киммериец, провожая глазами хорошенькую служанку, – главная опасность для его сокровищ была у старика под боком. Будь он поумней, забыл бы о разбойниках да приглядывал бы получше за собственным учеником…

– Может, он и не был так уж глуп, – возразил Чилли, – да и вел я себя тише воды, ниже травы. Изо всех сил старался услужить старцу – каждый божий день купал его в реке, растирал ноги, таскал на спине, когда тот уставал в пути, а, случалось, и выпрашивал подаяние. Со временем пандид уверился в моем благочестии и стал доверять все, кроме мешка. Я же не терял надежды, памятуя о том, что терпение – высшая добродетель истинного подвижника.

Как-то раз, когда долго уже не случалось ни праздников, ни свадеб, ни похорон, ходили мы по селениям и собирали «святое подаяние». Это с мешком-то золота! Мысленно я проклинал старца и сулил ему язву или другой какой мор, но внешне оставался почтительным, стараясь, чтобы на лице моем кроме легкой придурковатости ничего не отражалось.

Утром мы вышли из селения, где ночевали и направились в один город, до которого пешком было добрых два дня пути. Пройдя довольно прилично, я остановился, выдавил из глаз пару слезинок, и объявил учителю, что совершил тяжкий грех.

– Какой грех? Откройся мне, сынок, – потребовал старец. Думаю, он заподозрил, что я стащил в доме что-нибудь ценное и уже готовил хитроумную речь, призванную оправдать мои действия волей Митры или еще каким образом.

– Вчера вечером, в доме, где нас угощали ужином, сверху на меня свалилась пыль и паутина, – принялся объяснять я, видя, как все более вытягивается его морщинистое лицо. – Отряхнуться-то я отряхнулся, да вижу сейчас, что к руке моей пристала ниточка паутины. И как я ее не углядел? Ты сам учил меня, отче, что грешно уносить из чужого дома то, что тебе не принадлежит. Боги не простят меня, если я сейчас же не вернусь и не возвращу хозяевам присвоенное.

Пандид, видимо, решил, что я спятил.

– Ведь это только мусор, прах, – принялся увещевать он, – кому он нужен? Хозяйка, верно, была бы рада, если бы ты собрал всю паутину в ее доме.

– Не надо меня утешать! – возопил я, царапая себе лицо ногтями. Какая разница: золото или прах? Брать чужое одинаково грешно, так сказано в Заветах! Хозяева были так добры к

нам! У меня и в мыслях не было уносить их имущество… О горе мне, горе!

С этими словами я опрометью бросился назад по дороге и, скрывшись за деревьями небольшой рощи, затаился. Из своего убежища я видел, как старец качает седой головой и шевелит губами, что-то бормоча себе под нос.

Выждав столько времени, сколько, по моим расчетам, надобно было, чтобы сбегать в селение и обратно, явился я пред очи мудрого пандида и объявил, что смыл с себя грех. Он поглядел на меня с легким сожалением, но вслух похвалил.

– Вижу, сын мой, ты усвоил мои уроки, – сказал он, окончательно решив, что боги послали ему в услужение полного идиота.

Вечером мой учитель пожелал искупаться в пруду. Раздевшись, он передал мне одежду, посох и чашу для святых подаяний, а немного подумав, протянул и мешок.

– Знаю, ты честный юноша, – сказал он. – Смотри, стереги это хорошенько, пока я стану омывать чресла свои.

Я положил мешок под дерево и уселся на него с самым невинным видом. Чтобы у старца не оставалось никаких сомнений, я сказал:

– То, что принадлежит пандиду, принадлежит Митре. А кто посмеет обмануть Всевидящего?

Шейх Чилли умолк и принялся очищать серебряным ножичком яблоко.

– Что же было дальше? – нетерпеливо спросил Конан, который уже понял, чем должна закончиться эта история.

– Учитель омывал свои чресла довольно долго, – сказал Чилли. – У нас было заведено, что я ожидал его на берегу с платом для утирания. На сей раз пандид не обнаружил ни плата, ни ученика, ни мешка.

– Ох! – выдохнул Ши Шелам и дернул себя за мочку уха. – Ты осмелился обокрасть святого человека! Нарушил заветы Митры!

Ши был человеком набожным и суеверным, хотя сам нарушал заветы по нескольку раз на день.

– Напротив, – возразил Чилли с серьезной миной, – я совершил богоугодное дело. О чем и поведал в записке, оставленной учителю под деревом.

– Что же ты ему написал? – спросил киммериец.

– Три слова: Митра велел делиться.

Сторож, проходивший в ту пору со своей колотушкой по набережной Большого Канала, клялся потом, что громовой хохот, донесшийся из окон дома, купленного недавно неким чужаком в коричневой тунике и сандалиях с длинными ремнями, был столь мощен, что погасли три масляных фонаря возле фасада здания.

Отсмеявшись и утерев выступившие на глазах слезы, юный варвар глотнул вина и помянул прелести Иштар, что делал обычно, когда хотел выразить свое одобрение.

– Воистину, – сказал он, – твой рассказ столь же хорош, как и твое аренджунское. Теперь я понимаю, что Шадизар, город воров, приобрел еще одного достойного жителя. Но вернемся к событиям нынешней ночи…

– Погоди, – перебил его Чилли, снова наполняя свою чарку щербетом. Конан заметил, что вина он вовсе не пьет. – Ты лучше поймешь меня, если выслушаешь мою историю до конца. Расставшись с пандидом, я отправился в ближайший город, рассчитывая потратить там золото в свое удовольствие. Но, хотя я и совершил, как мыслил, богоугодное дело, Податель Жизни счел нужным наказать меня: какие-то лихие парни с большой дороги

отобрали у меня мешок, сломав в благодарность пару ребер, вывихнув руку и отбив почки. Я скрылся от них в зарослях можжевельника и долго блуждал, пока не набрел на пещеру некоего пустынника.

В отличие от пандида, старец сей жил в полном уединении, питаясь акридами и диким медом. Он вылечил меня травами и, выслушав мою горестную историю, дал мудрое наставление.

«Ты не можешь противиться воле звезд, – сказал он, – но можешь облегчить свою участь, пустив в ход хитроумие, коим, как вижу, боги тебя не обделили. Грешно красть у слуг Митры, даже у подобных твоему пандиду, грешно обижать сирых и убогих, живущих трудами своими и добывающих пропитание в поте лица своего, но в мире есть немало людей, стяжавших себе богатства неправедным путем, и немало глупцов, готовых поддаться на любую удочку, только бы умножить свое состояние быстро и не ударив палец о палец. Постарайся, чтобы сии недостойные добровольно отдавали тебе свое добро. Тем самым ты удовлетворишь страсть к чужим ценностям, вызванную неудачным расположением звезд при рождении твоем, и, в то же время, послужишь орудием в руках Всеблагого, наказывающего тех, кто живет, помышляя лишь о ценностях этого бренного мира.»

Я покинул пустынника, размышляя о его словах, показавшихся мне весьма мудрыми. Принеся клятву богам никогда больше не опускаться до обычного воровства, я отправился в отдаленное селение и попросил старейшин пустить меня жить. Старейшины ничего против не имели, тем более, что на окраине села давно пустовала убогая хижина, где я и поселился.

Клянусь Белом, я вовсе не помышлял там обогатиться, а решил начать честную жизнь. По праздникам читал мантры, которым обучился у пандида, и не брал за это ни гроша, что очень нравилось прижимистым селянам. В иные же дни был, что говорится, на подхвате: исполнял разные мелкие поручения, помогал вскапывать огороды, чинить плетни и таскать из леса хворост. В благодарность меня кормили, и все были довольны.

Так прошло время от первых весенних цветов до сезона дождей. Я уже решил было, что навсегда избавился от пагубной страсти, но звезды есть звезды…

– Снова что-нибудь свистнул? – хохотнул киммериец, отправляя в рот изрядный кусок халвы.

– Ты забыл о моей клятве, – строго заметил Чилли, – я ведь решил брать только то, что само плывет в руки. Вскоре в голове моей родился некий замысел, внушенный не иначе, как самим хитроумным Белом.

Надо сказать, что жители того селения были не столь уж бедны, как хотели казаться для чужих глаз, и дорогая латунная посуда водилась почти в каждом доме. Все о том, конечно, знали, но каждый раз во время праздников каждый принимался бегать по соседям и одалживать блюда и чашки, ссылаясь на свою крайнюю бедность. Так что пиршества обычно затягивались не меньше, чем на седьмицу, в течении которой посуда гуляла по всем домам.

Приближался День Сушеного Финика, и я решил поддержать местную традицию: обошел селение и выпросил в каждом доме по чашке или тарелке. Своими усердием и услужливостью я успел к тому времени снискать всеобщее расположение, так что затруднений в сем предприятии не возникло, мне даже набросали в мешок кое-какой снеди, так что я смог пригласить двух-трех соседей на скромный праздничный ужин. А через пару дней возвратил одолженное, да еще с прибытком: каждый получил к своей тарелке и чашке еще точно такую же.

– Это как же вышло-то? – удивился Ловкач Ши. Он даже жевать перестал.

– В моем поясе осталось с десяток золотых монет, до которых не добрались разбойники, – объяснил Шейх Чилли, – ночью я оседлал мула, съездил в соседний городок, разбудил лавочника и, сославшись на срочность, прикупил у него на золотой требуемое количество посуды.

– Ты хочешь сказать, что потратил свои деньги, чтобы вернуть заимодавцам вдвое против того, что они тебе одалживали? – спросил киммериец, силясь уловить, в чем же тут хитрость. – Клянусь дохлым ослом, не понимаю!

– Селяне тоже ничего не поняли и засыпали меня вопросами, – пряча в чарке улыбку, отвечал хозяин дома. – Надо было видеть их лица, когда они услышали мой ответ? Что же тут особенного? – сказал я. – Ваша посуда принесла потомство. Берите, не стесняйтесь!?

– И они поверили в подобную чушь? – изумился варвар.

– Думаю, что нет, да кто откажется, ежели ему предлагают что на дармовщинку! Приняли с благодарностью и просили захаживать еще.

Как было не воспользоваться подобной любезностью? В сезон дождей работы на полях прекращаются, так что праздники следуют один за другим. В День Земляных Орехов я снова отправился по домам за чашками и тарелками. На этот раз норовили подсунуть побольше, некоторые давали даже супницы и сосуды для вина. Я взял все и снова возвратил вдвойне. Потом проделал эту операцию еще несколько раз, пока не кончились деньги.

– Подозреваю, ты вовсе не затем тратил золото пандида, чтобы обогатить этих бездельников, – проворчал варвар, злясь на себя за то, что не в силах был разгадать замысел Чилли.

– Ты очень проницателен, киммериец, – вежливо отвечал тот, сколько веревочке не виться, а конец будет. Приближался Праздник Мытья Волос, самый большой и пышный в тех краях. Для подобного случая местные жители держат у себя большие круглые полоскательницы, оловянные, медные, а кто побогаче – и серебряные. Ты, Конан, и ты, Шелам, наверное решили, что я попросил их одолжить? Ничего подобного: селяне сами натащили полную хижину этих тазов, словно у меня была не одна голова, а по меньшей мере полсотни, и каждая нуждалась в отдельном чане для омовения. Впрочем, каждый считал, что перехитрил соседа – приходили они, таясь друг от друга, и полоскательницу каждого я предусмотрительно прятал на заднем дворе. И, конечно, гору разнообразной посуды, это уж, как водится. Ее было так много, что мне понадобилось целых три ночи, чтобы вывезти все, включая полоскательницы, в ближайшую рощу и спрятать в укромном месте.

– И ты скрылся, – понимающе кивнул Конан.

– Нет, – сказал Чилли, – я хотел посмотреть, пошлют ли боги мне наказание. Поэтому вернулся в свою хижину и зажил, как ни в чем ни бывало.

Шли дни, селяне меня не тревожили, полагая, очевидно, что размножение полоскательниц протекает более трудно, чем у обычной посуды. Однако, спустя седьмицу, они стали проявлять беспокойство и захаживать по одному. Я делал вид, что не понимаю, о чем идет речь, вот тогда-то они и почуяли неладное. Собрали совет старейшин, долго судили-рядили, а когда выяснилось, что почти все семьи лишились ритуальных тазов, привалили ко мне целой толпой.

– Вот тогда-то ты и дал деру, – снова подсказал киммериец.

Но Чилли отверг и это предположение. Картина, открывшаяся взгляду селян в хижине, с его слов была следующая. Юноша, то есть сам Шейх Чилли, сидел на земляном полу, бил себя в грудь, посыпал голову пылью, царапал себе щеки и рыдал столь горько, что вселил

скорбь в сердца вошедших.

– Какое несчастье постигло тебя, сынок? – вопросили ошарашенные старейшины. – Что ты так убиваешься?

– Люди добрые! – всхлипнул юноша, ударяя себя в грудь. – Я в полном отчаянии. Если бы мое горе касалось только меня, это бы еще полбеды. Но оно касается вас, всех до единого. О, пусть разверзнется земля и поглотит меня, несчастного!

– Как это? – вскричали старейшины. – Что это за напасть такая, что касается не только тебя, но и всех нас? Говори толком!

Тут юноша зарыдал еще громче.

– Мужайтесь! – еле выговорил он сквозь слезы. – Ваша чудесная посуда, ваши блюда, чаши, супницы и полоскательницы для волос… – тут он выдержал трагическую паузу. – … скончались!

Все умолкли, словно пораженные громом небесным. Потом заголосили разом:

– Скончались?! Что ты мелешь! Как может помереть серебро, не говоря уже о латуни и олове? Где это слыхано? Как могло такое случиться?!

– Откуда мне знать, – отвечал тогда Чилли, перестав плакать, видать, роды были тяжелыми.

Его тут же связали и бросили в яму. Долго чесали старейшины свои сивые бороды, решая, что же с ним делать. Наконец решили призвать мудрого человека, дабы разрешил столь невиданное дело.

– Каково же было мое удивление, когда мудрец, призванный для суда, оказался знакомым мне пустынником, – подошел Чилли к заключительной части своей удивительной повести. – Он выслушал селян и осведомился, в чем, собственно, состоит их недоумение.

– Как же? – хором ответствовали те. – Да разве же мы поверим, что металлическая посуда может скончаться?

– А почему бы и нет? – ошарашил их мудрец. – Поверили же вы, когда сей юноша говорил, что утварь ваша принесла потомство. То, что может родиться, может и умереть!

Подобное заключение повергло селян в горестное уныние, но они не осмелились перечить пустыннику, опасаясь навлечь на себя гнев богов. Я же, возблагодарив небожителей мысленно, а отшельника из уст своих, поспешно удалился, чтобы вернуться вскоре с лошадьми и тайно вывезти привалившее богатство на ближайшую ярмарку.

– Значит, боги не сочли твою хитрость предосудительной? – спросил Конан, улыбаясь от уха до уха.

– Боги обычно наказывают тех, кто стремиться обогатиться, не прикладывая к тому никаких усилий, – глубокомысленно заключил Шейх Чилли, – я же послужил лишь орудием высшей справедливости. Скажу еще, что и в дальнейшем продолжал следовать наставлениям мудрого пустынника, всякий раз убеждаясь в его мудрости и подлинной просветленности. Как видите, мои богоугодные дела принесли некоторые плоды…

И он не без гордости сделал широкий жест, указующий на жилище его, стол, яства и служанок. Следуя взглядами за сим жестом, Конан и Ши вынуждены были признать, что их гостеприимному хозяину крупно повезло повстречать в странствиях его столь мудрого и во всех отношениях прозорливого наставника.

– Теперь вернемся к нашим делам, – сказал Чилли, насладившись произведенным впечатлением. – Агизар достоин того, чтобы расстаться с весьма солидной долей своего состояния. Сейчас он испуган, но жадность и тайные желания заставят его снова прийти ко

мне. Тогда мы снова отправимся в дом Фларенгаста и осуществим задуманное.

– Ловкачу опять придется сидеть на трубе и спускать через дымоход твою сетку? – ворчливо спросил варвар. – Ты обещал открыть замысел…

– Немного позже, – сказал Чилли, прикрыв глаза и что-то обдумывая. – Что же касаемо «призрака», который должен явиться с Серых Равнин, я придумал кое-что получше. Как мыслите, кого ожидает узреть ювелир после моих заклинаний?

– Зеленого бородатого старика с горящими глазами, – предположил Ши.

– А увидит могучего юношу! – хлопнул в ладоши Шейх. – Ты станешь Фларенгастом, Конан!

3

Ювелир Агизар стоял, опершись о нефритовую столешницу, и печально вглядывался в роскошное бронзовое зеркало. Из мутноватых глубин смотрело на него отражение: плешивый старец, по пояс голый, еще красный после недавней бани. Ни омовения, ни усилия массажисток не пошли ему на пользу – зрелище было жалким. Синие шелковые шаровары едва держались на его бедрах, на красный кушак свисал дряблый живот, поросший седым волосом, а плечи и грудь были, как у старой женщины: грудь отвисшей, а плечи округлыми и лоснящимися. И еще нос. Вспухший, с красными прожилками и огромными порами, вечно влажный и блестящий. Чего он только не делал со своим носом, каких только мазей и притираний не использовал! Все было тщетно – с каждым прожитым годом нос все более расплывался по его лицу, словно бурый перезревший помидор, готовый вот-вот брызнуть отвратительным соком.

О боги, как жестоко смеетесь вы над смертными! Молодость Агизара прошла в нищете и унижениях, а зрелость – в постоянных усилиях скопить побольше золота. Он не брезговал ничем: продавал поддельные драгоценности, не гнушался краденным, ссужал деньги на кабальных для заемщиков условиях и подкупал власти, дабы те жестоко преследовали недоимщиков. Он преуспел. Богатства его были велики, сундуки ломились от золота и драгоценных камней, а дом роскошью и размерами не уступал лучшим особнякам Шадизара.

И все же, был он одним из несчастнейших людей во всей Хайбории. Старость отняла у него то, что было дороже любых сокровищ, она отняла женщин.

Агизар никогда не был женат, опасаясь, что коварные супружницы могут подсыпать ему в суп крысиного яду или лишить разума посредством сока Черного Лотоса, дабы завладеть богатствами его. Но, конечно, ювелир мог купить себе достаточно невольниц, да они у него и были – юные, прекрасные гурии из Турана, Шема, Офира и даже далекого Асгарда, где вода зимой замерзает и становится подобна сверкающим бриллиантам. Покорные воле хозяина, они танцевали перед ним, мыли в купальне, согревали в постели, наполняя душу Агизара сладостным томлением… И только! Увы, старость и заботы лишили его мужской силы, превратив жизнь в подобие пытки, когда перед пленником, голодным и измученным, скованным по рукам и ногам, ставят блюда с дымящимися яствами и хрустальные чаши, полные игристых напитков.

Агизар застонал и в гневе хотел плюнуть в зеркало, но вовремя удержался, вспомнив, что страданиям его вскоре суждено кончиться. Благослови Митра гадальщика, к которому привел его случай! Почтенный Шейх Чилли, правда, поначалу долго отнекивался, ссылаясь на то, что давно не брыл в руки камешки и не расстилал магический плат, но золотой перстень с изумрудом сделал свое дело, и гадание состоялось.

О, что это было за гадание! Открылось дивное: дух старого Фларенгаста, охраняющий невидимые сокровища в развалинах особняка возле восточной стены, давно ищет достойного, с кем мог бы поделиться своим богатством. И не только. Магический плат поведал, что призрак, явись он по зову, может одарить соискателя и кое-чем еще, не менее, а может быть и более ценным.

Старик довольно потер потные ладони, отошел от зеркала и направился к шкафу с одеждой.

Нет, не зря он приплачивал духанщику Абулетесу за возможность раньше многих

узнавать свежие новости. Именно Абулетес поведал ему под строгим секретом, что человек, купивший дом возле Большого Канала, никто иной, как знаменитый маг Ишшим Суарта, прибывший в Шадизар под вымышленным именем, и сведущ сей маг не только в деле предсказания будущего, но и кое в чем еще, о чем болтать попусту не следует.

И то была правда. Своими глазами видел Агизар, что подвластно Суарте: призрак старого Фларенгаста, явившийся из преисподней, видел он! И хотел было уже испросить милости у духа звездочета, денег побольше да молодость себе хотел испросить, но возник вдруг в печи некий демон, черный, как зембабвиец, грозный, как гром небесный, и напал на Фларенгаста со своим сверкающим подобно молнии кинжалом… Агизар бежал тогда в ужасе, потерял по дороге туфлю и опомнился, только задвинув бронзовый засов своего дома.

Три ночи не мог он сомкнуть глаз, все чудился зеленый призрак и черный демон-воитель, а в ушах звучал страшный рев, сопровождавший их появление Агизар гнал от себя невольниц и кусал пальцы: неужто все пропало, и он никогда не обретет того, что заслужил? И женщины – о, женщины! – так и останутся для него лишь прекрасными спелыми плодами, до которых невозможно дотянуться?!

На четвертый день страх виденного уступил вожделению, и ювелир отправился в дом Шейха Чилли.

Тот встретил вежливо, но тут же заявил, что и речи не может идти о новой попытке вызвать дух звездочета.

– Слишком хорошо охраняют его силы тьмы, – сказал он, – я не желаю рисковать нашими жизнями, ибо демоны преисподней опасны даже для меня, сведущего в магии. Не говоря уже о тебе. Так что оставь свои надежды и лучше постарайся достать плоды вендийского дерева уу, кои делают мужчину в постели подобным тигру…

Агизар упал на колени и принялся умолять великого Ишшима попытать для него счастья еще только один раз. Что там какие-то плоды, они не вернут силы мышцам и упругости коже, не вернут молодости! Да и неизвестно, как действуют они на стариков, так что он готов уплатить знаменитейшему Суарте весьма значительную сумму…

Маг в гневе затопал ногами и приказал никогда не упоминать его подлинного имени.

Ювелир охотно согласился, предложил тысячу золотых за труды и получил отказ.

Тогда он посулил две тысячи золотых, на что Ишшим Суарта только презрительно пожал плечами.

Однако, когда сумма возросла до десяти тысяч, маг ласково поднял ювелира за плечи, усадил на мягкую софу и деловито принялся объяснять, как следует подготовиться к ночному визиту в развалины.

Роясь сейчас в шкафу и вспоминая о тех событиях, Агизар невольно содрогнулся. Подумать только, Ишшим велел натереть одежду камфарным маслом. Какая вонь! И еще эта выдолбленная тыква с дырками для глаз, надетая на голову… Но куда было деваться: запах камфары отпугивает демонов, а тыква, закрывающая лицо, предохраняет от их огненных плевков.

Вторичный поход в дом звездочета окончился более успешно, чем первый.

Они снова пришли в комнату с очагом, маг очертил круг на полу и произнес свои заклинания, поминая Сета, Трехглавого Пса и еще каких-то азов и чектеров. Из печи вырвался страшный рев, взметнулась сажа, а потом возникла там светящаяся зеленым призрачным светом фигура… Но то не был длиннобородый старец, виденный Агизаром ранее, то был могучий юноша с черными, как вороново крыло волосами, в которых играли

отблески неведомого огня.

– Кто звал меня?! – проревел призрак, заставив Агизара покрыться холодным потом. – Кто, хвост Нергала ему в глотку, потревожил мой покой в Нижнем Мире?

– Я потревожил твой покой, – отвечал Ишшим Суарта, делая руками замысловатые фигуры, – именем Дамбаллаха, Змея Вечной Ночи, заклинаю обратить взор твой на этого человека…

И он указал на коленопреклоненного ювелира с тыквой на голове.

– Кто этот приду… то есть, кто сей почтенный старец? – вопросил призрак. – И как он осмелился предстать предо мной, великим Фларенгастом?

Ишшим толкнул ювелира ногой, и тот залепетал сквозь отверстие в тыкве:

– Агизар я, о великий и ужасный, смиренный проситель твой…

– Агизар? – призрак почесал свою мощную грудь и сплюнул. – Не тот ли это ростовщик с Алмазной улицы, который жаждет омолодиться, дабы вернуть себе мужскую силу?

– Я это, я! – радостно вскричал проситель. – Воистину, нет от тебя тайн! Магический плат великого Ишшима привел меня пред очи твои. Поражен я могуществом твоим и видом твоим, обо ожидал узреть старца…

– Это зря, – прервал его словоизлияние светящийся юноша. – Узнай же, что ведома мне тайна вечной молодости, и я решил явиться тебе в новом обличии, дабы… Словом, решил и решил. Чего хочешь-то, старик?

Агизар возликовал тогда, заключив, что настал его звездный миг.

– Магический плат поведал, – заговорил он поспешно, – что ищешь ты, о справедливейший из духов, достойного человека, с кем хотел бы поделиться сокровищами своими. Не помышлял я заноситься столь высоко, ибо скромен, но великий Суарта уверяет, что я и есть человек сей…

– Допускаю, – сказал призрак. – Однако двух желаний для тебя зараз многовато. Так что выбирай: либо сокровища, либо молодость.

О боги! То была полная неожиданность. Все смешалось в голове ювелира. Пред глазами поплыли новенькие сундуки в его хранилищах, которым предстояло, как он мыслил, наполниться звонкими монетами и сверкающими драгоценными камнями… Неужто это видение должно рассеяться, словно сон? И тут же возникли прелестные лица невольниц его: смуглой шемитки Вары, пухленькой туранки Зафии, светловолосой Имры из далекого ледяного Асгарда… Золото или молодость?! О боги!

– Решай скорее, старик, – топнул ногою призрак.

И Агизар решился. Он совершил поступок немыслимый, невероятный, заставивший трепетать тело, а душу корчиться, словно кусок пергамента в пламени очага: он отказался от золота.

И зарыдал.

– Чего же ты плачешь, глупый, – сказал ему маг, – ты ведь больше всего хотел обрести молодость…

– Быть посему! – возгласил призрак. – Пусть ростовщик три дня раздает щедрую милостыню у храмов и на торжищах. Если за это время он не совершит ни одного дурного поступка, получит то, чего так жаждет. А теперь убирайтесь, мне еще надо проведать свои сокровища.

Услыхав о сокровищах, Агизар зарыдал еще горше и на ватных ногах вышел в темный коридор. Дверь за ним затворилась.

Он прислонился к холодной стене, чувствуя, что не в силах сделать больше ни шагу. И услышал сквозь створки слова призрака, обращенные к оставшемуся в комнате магу.

– Я поклялся еще при жизни, – говорил дух Фларенгаста, – что непременно поделюсь сокровищами с достойным смертным. Ювелир выбрал молодость, это его право. Но клятва есть клятва, надо ее исполнить. Не мог бы ты порекомендовать какого-нибудь честного бедняка, который с толком распорядится полученным состоянием?

– Предвидя подобный оборот, – ответствовал Ишшим Суарта, – я обратился к своему магическому плату. Открылось мне, что есть в Шадизаре некий человек по имени Ши Шелам, бедный настолько, что просит он милостыню возле храма Митры. На него указывают знаки…

– Хорошо, – прогрохотал призрак. – Приведи его сюда через три дня, он получит сто тысяч золотых монет.

Оглашенная сумма повергла несчастного Агизара в беспамятство. Когда он очнулся, то обнаружил, что шагает по дорожке сада, поддерживаемый под локоть голоногим магом в коричневой тунике…

…Ювелир выбрал наконец одежду из шкафа – самый скромный халат и кожаные туфли – и принялся одеваться сам, без помощи служанок. Ибо не следовало знать болтливым женщинам, что хозяин дома собирается отлучиться по важному делу.

Дело сие проистекало из подслушанного под дверью разговора призрака с Ишшимом и сулило немалую выгоду. Да еще какую! Сулило оно вернуть дар Фларенгаста ничтожному нищему туда, где ему и следовало находиться: в новехонькие сундуки ювелира с крепкими запорами. А сделано для того было следующее.

На утро после свидания с духом звездочета, Агизар отправился к храму Митры, где принялся щедро раздавать милостыню. Пораженные столь невиданным явлением нищие сходились и сползались к нему со всех сторон, жадно протягивая руки, шапки и деревянные чашки для подаяний. Ювелир бросал золотые монеты, интересуясь при этом, кто тут будет Шелам, ибо имеет он к нему важное дело.

Вперед протиснулся грязный человечек, видом своим более всего напоминавший тощую облезлую крысу, и заявил, что он и будет Шеламом.

Агизар подал ему пять золотых, чем вызвал завистливый ропот среди других попрошаек, потом повел Ши в ближайший духан, где усадил за стол, потребовав у подавальщика кувшин вина и баранью ногу на закуску.

– Послушай, почтенный, – заговорил он елейным голосом, – есть у меня к тебе маленькое предложеньице… Хотел бы ты получить пятьдесят монет? Золотых, конечно.

– Пятьдесят золотых! – вскричал оборванец. – Да у меня таких денег за всю жизнь не было! А за что?

– За все подаяния, кои ты получишь до третьего утра, считая от нынешнего.

Ши принялся яростно чесаться под своими обносками. При этом вращал зрачками и поводил своей крысиной мордочкой, словно к чему-то принюхиваясь.

– Что-то тут нечисто, уважаемый, – сказал он наконец. – Что это ты задумал?

– Да какая тебе разница, – рассердился ювелир, – ему золото предлагают, а он нос воротит!

– Правильно ворочу, – Ши подозрительно оглянулся по сторонам. Сулили мышке сыр, да нос-то мышеловкой и прищемили…

– Сто золотых! – прошипел Агизар.

– Нету на то моего согласия.

– Двести!

Так они торговались довольно долго и дошли уже до тысячи, когда ювелиру пришло в голову, что надо пуститься на хитрость, чтобы уломать строптивого нищего.

– Ладно, – сказал он, – открою тебе тайну. Был я вчера у некоего гадальщика, и сей гадальщик поведал мне, что в течении трех дней оборванцу по имени Ши Шелам попадет в шапку некая редкая стигийская монета. Деньга сия медная и для тебя интереса не представляет. Я же собираю разные редкости, монета может стать украшением мой коллекции.

– Чего украшения? – спросил Ши.

– Тьфу! – осерчал снова ювелир. – Ну и глуп ты, как я погляжу. Последний раз предлагаю: две тысячи.

– Нашел дурака, – сказал Ши и принялся за баранью ногу, принесенную подавальщиком, – да может эта монета в десять раз больше стоит!

Агизар уламывал его до самого вечера. Они побывали в трех духанах, Шелам выпил четыре кувшина кислого вина, съел помимо бараньей ноги цыпленка и пару дюжин пирожков с капустой и творогом, осоловел, опьянел, но держался непреклонно. Ювелир, поражаясь вместительности его утробы и проклиная мысленно ослиное упрямство оборванца, порожденное, несомненно, крайней глупостью, повышал сумму и сам не заметил, как добрался до половины той, которая причиталась нищему от щедрот призрака.

– Ладно, – сказал тогда Ши, едва ворочая языком, – утомил ты меня, старик. Согласен. Пошли за твоим золотом…

Сердце ювелира обливалось кровью, когда подавал он нищему увесистый мешок, хотя и расставался с ним, как надеялся, ненадолго.

– Ты должен дать мне расписку, – сказал он, доставая заранее приготовленный пергамент. – Вот, тут написано: «Я, Ши Шелам из Шадизара, обязуюсь и клянусь Митрой Всеблагим, отдать Агизару с Алмазной улицы все, что подано мне щедротами кого бы то ни было, начиная от утра Хассана Мельника и считая до третьего утра включительно.»

– Читать я не умею, но тебе верю, – молвил на то оборванец, – ты, видать, человек честный, хоть и дурак, коли платишь целое состояние за какую-то медную монету…

С этими словами он обмакнул палец в сок чернильного дерева, приложил его к расписке, потом свистнул и, погрузив мешок в тут же появившуюся невесть откуда повозку, исчез вместе с золотом. Оставалось надеяться, что он не ударится сдуру в бега, ну да от великого Ишшима не скроешься! Через две ночи отведет его маг в дом у восточный стены, чтобы призрак мог исполнить свою клятву и вручить глупому оборванцу сокровища, с которыми этому ничтожеству предстоит тут же расстаться. Согласно расписочке. Все вернет проклятый замухрышка, включая его, агизарово золото, ибо подано оно в оговоренный распиской срок, на что и свидетели найдутся. «Обязуюсь и клянусь отдать все, что подано мне кем бы то ни было, начиная от утра…» Утро-то давно миновало, вечер уже! Глупец этот Ши, и не видать ему сокровищ, как своих ушей. А заупрямится – так есть на то суд наместника, дыба и яма, полная змей!

Что и говорить, Агизар был доволен собой. Мольбами он выпросил себе молодость, а хитростью вернул еще и сокровища. Вернул, потому что уже считал их своими. Дело было за малым: подоспеть вовремя, чтобы ничтожный Шелам не успел припрятать золото. Он подождет за дверью, ведущей в комнату с очагом, а когда Фларенгаст вручит оборванцу свой

дар и исчезнет – предъявит документ и заберет монеты.

Два оставшихся дня он щедро раздавал возле храмов и на базарах милостыню, а ночами молился Белу.

И вот приблизилась долгожданная третья полночь. Стоя возле шкафа, Агизар облачался в темный халат и кожаные туфли, прикидывая, сколько слуг взять с собой, чтобы унести сокровища. Решив захватить пятерых, он захлопнул створки шкафа и поспешил к выходу…

Развалины зловеще темнели на фоне звездного неба, черная труба торчала выше зубчатого края городской стены. Ювелир велел слугам ждать у ограды, сам же, пройдя по знакомым дорожкам сада и залам особняка, вскоре оказался в темном коридоре, возле закрытой двери, ведущей в комнату с круглым очагом.

Из замочный скважины пробивался неяркий зеленоватый свет и слышалось какое-то невнятное бормотание. Агизар приник ухом к отверстию, прижал его покрепче, и только тогда разобрал слова мага, говорившего:

– …и освободит дух твой из заточения на Серых Равнинах. Что же ты медлишь, Фларенгаст, или раздумал выполнять обещание? Настал третья ночь, а бедняга Шелам не получил ни гроша!

Сердце ювелира затрепетало в недобром предчувствии.

Тут из комнаты долетел непонятный звук, похожий на звон бронзового колокольчика, и сейчас же голос призрака зарокотал:

– Что можешь понимать ты, смертный, в наших делах? Шелам получил половину требуемой суммы от прохвоста Агизара, который хотел обмануть его и присвоить мои сокровища. Выкинь свой плат на помойку! Ибо ювелир оказался недостойным милостей моих, хоть ты за него и ручался. Клянусь Кромом, этот старый пес навсегда лишил себя надежды осчастливить хоть одну суку… Ну, ты понимаешь, о чем я говорю, не надо подмигивать. Кстати, сейчас этот шмат дерьма подслушивает под дверью. Это нехорошо. Я сделал так, что он не сможет оторвать свое грязное ухо от замочной скважины, пока не уплатит Ловкачу Ши еще пятьдесят тысяч монет. Ну, что еще я забыл? А, вот это: да послужит сие уроком ему и назиданием потомкам его!

Душа ювелира провалилась в пятки. Он хотел бежать, но почувствовал, что ухо и в самом деле словно приросло к двери. Агизар забился, царапая ногтями створки… И тут кто-то мягко тронул его за плечо.

Скосив глаза, несчастный старик увидел в колеблющемся свете масляной лампы ухмыляющуюся рожу Шелама, державшего грязными пальцами клочок пергамента.

– Слышал, что сказал великий и ужасный Фларенгаст? – спросил оборванец и показал ювелиру длинный язык. Потом помахал у него под носом пергаментом. – Вот, тут написано: «Я, Агизар с Алмазной улицы, находясь в твердом уме и полном здравии…» Не болит ухо-то? «…Повелеваю слугам моим выдать подателю сего ровно пятьдесят тысяч монет золотом и доставить означенное золото туда, куда будет указано получателем.» Поставь-ка, почтеннейший, свою закорючку…

Обливаясь холодным потом, Агизар принял протянутое ему стило и дрожащей рукой вывел свою подпись. Он чувствовал себя словно в кошмарном сне, который никак не мог кончиться.

– И еще, – сказал Ши, – отдай-ка ты мою расписочку. Сдуру я ее тебе дал, клянусь Белом! Сам подумай, как это нищий может лишить себя подаяния, да еще за целых три дня? Так и ноги протянуть недолго.

С этими словами плут пошарил за пазухой ювелира, извлек пергамент с отпечатком своего пальца и удалился, почесываясь и хихикая.

За дверями раздался жестяной грохот: очевидно, призрак Фларенгаста провалился обратно в Нижний Мир.

Потом наступила тишина, нарушаемая лишь жалобными стонами несчастного соискателя молодости и сокровищ…

4

Приятно купать пальцы в золоте, тем более еще недавно тебе не принадлежавшем. Шейх Чилли, Ши Шелам по прозвищу Ловкач и Конан-киммериец сейчас этим делом и занимались.

Чилли предложил разделить все деньги, включая уплаченные ему Агизаром за «вызывание духа», поровну.

– Несправедливо, – сказал Конан, – ты все это придумал, значит тебе причитается большая часть.

– Золото мало что для меня значит, – отвечал Чилли, – я лишь следую своему предназначению, открытому мне мудрым пустынником. Я – орудие высшей справедливости…

– Ладно, – согласился варвар, – орудие так орудие. Не скажу, что я предпочитаю золото хорошей драке, доброй выпивке или женским ласкам, но без него жить тоже как-то кисло. Одного не понимаю: отчего было не взять побольше, коли нас допустили в закрома этого ублюдкаростовщика? Если уж говорить о высшей справедливости, то надо было просто пустить его по миру.

– Не следует лишать последнего даже самого отъявленного негодяя, – сказал Чилли, – ведь кроме груды монет у несчастного старика ничего в этой жизни не осталось. Он и так получил хороший урок, прилипнув к дверям своим длинным ухом…

– И долго ему там стоять? – спросил Ши.

– Клей, которым я намазал створки, держит достаточно крепко, и, к тому же, весьма едок. Думаю, к утру кожа с рокового уха облезет, и наш Агизар вновь обретет свободу. Поблагодарим же его и разделим его золото поровну, ибо каждый из нас потрудился на славу. Конан мужественно терпел неприятный запах светящийся краски, покрывавшей его тело, и весьма успешно изображал грозного Фларенгаста, правда иногда и сбивался с текста. Ши добросовестно дудел в спрятанные в дымоходе жестяные рожки и вовремя подал нам сигнал колокольчиком о том, что старик приложился к замочной скважине. Я же, согласитесь, весьма искусно изобразил мага…

– Кстати, хотел спросить, – перебил его киммериец, – кого ты там поминал в своих заклинаниях? Ну, Сет, Змей Вечной Ночи, это понятно, его всегда призывают стигийские колдуны, а в Черных Королевствах именуют Дамбаллахом. Треглавый Пес, кажется, стережет вход на Серые Равнины. Но кто такие эти азы и четкеры?

– Сам не знаю, – улыбнулся Чилли, – просто пришло в голову. Думаю, их вовсе не существует, как и призрака Фларенгаста.

…Шейх Чилли ошибался: старый звездочет все видел и все слышал. Когда его полуразрушенный дом опустел, весьма довольный тем, что, вопреки приказу несправедливого Субаши-Хаша имя его не забыто, зеленый призрак вышел из каменной кладки очага, взмахнул полупрозрачными руками и канул сквозь каменные перекрытия, сквозь залившую подвалы воду – вниз, вниз, к тайным убежищам своих несметных богатств.

И духи-хранители, сотканные искусством чернокнижника из душ замурованных в стены рабов Аза и Четкера, закрыли за ним невидимый людскому глазу проход.